Гуляние в стенях

Бронтою

Молчат сарматские курганы.
В них мудрецы и великаны:
в глазах песок, в спине копьё.
Что может слово здесь моё?

Похороню я день вчерашний.
Останутся леса и пашни,
жнивьё, и сверху — вороньё.
Что может слово здесь моё?

Всё злей и злей слова свободы,
в крови границы и народы –
по-русски говорит зверьё.
Что может слово здесь моё?

Останутся и стаи волчьи,
останутся и своры гончьи —
в цене животное чутьё.
Что может слово здесь моё?

Где храмы небо подпирали —
ларьки пивные гордо встали.
Поэтов учит жить ворьё.
Что может слово здесь моё?

А может, смехотворны сами, —
о Хаме говоря стихами?
И если стыд и честь — старьё,
что может слово здесь моё?

...Не назову Россию сукой,
я не в ладах с такой наукой.
Я в воздух разряжу ружьё.
Что может слово здесь моё?

Сростки

Владимиру Ивановичу Осадчему

Заломив берет свой на висок,
сколько раз я пролетал здесь мимо,
где Катунь не задушил песок,
где копила горький сок калина.

Здесь, под небом строгим и родным,
твёрдую пшеницу сея в мае,
понимаем, что Сибирь не Крым.
И не только это понимаем.

Круто поворачивать нельзя,
там, где столб
и знак на нём неброский,
поворот направо — это Сростки.
Зло визжат железом тормоза.
Клюв тупой тряся передо мной,
местный жирный гусь шипит от злости.
Пусть шипит, мне слышать не впервой,
мне не до гусей, я нынче — в гости.
Мне в тот дом, в котором тишина.
Тишина в музее Шукшина.
Тишина — как вызов, как упрёк:
«Ну, а ты? Чем ты ему помог?
Чем помог, земляк, ты — Шукшину?»

Я вхожу с повинной в тишину.

Чёткий след уверенной руки
под стеклом музейным я не трону.
Стенька Разин не прорвался к трону.
«Ну зачем вам бархат, мужики».

Не досталось в детстве леденцов.
Без отца на чёрном хлебе вырос.
Вырвался в Москву в конце концов,
хоть рубахи не было на вырост.
Знал — как рубят для избы венец.
Чаще в поле шёл, а не на танцы.
Защищая честь родных сердец,
жил, не защищая диссертаций.

Ледяною, чистою водой
катится Катунь передо мной.

Задушить её не смог песок,
высохла малина,
а калина —
красной кистью тычется в висок.
Дай и мне — хоть ягодку —
для сына.
Как же терпко ягодка горчит.
Это горечь боли, а не мести.
ВГИКовская шушера молчит.
Был он с ними рядом,
но не вместе.

Сок калины пальцы мне обжёг,
запекаясь, как кровоподтёк.

По реке коряги плыли мимо.
Не корягам плавать поперёк.

Рубеж

Анатолию Корчуганову

Высокие сыны
святой земли
здесь разминуться с пулей
не смогли.
Что там себя,
отечество спасти бы;
и не дождаться от своих «спасибо»;
и матушке успеть сказать: «Прости»;
и пустенькой книжонкой не трясти.

Взрыв!
И навечно в небо головой.
Ах, мама!
И не вздрогнул
шар земной.

ХОЛСТЫ

1. Николай Иванов

Холст терпел — и высока его цена:
слово правды нас не сделало родней;
слово славы обесценено сполна;
стали краски разноцветной грязью дней.

Холст распят,
а всё же цветом передаст:
нечем полдню серой полночи помочь;
ясно,
что один охоч, да не горазд;
ясно,
что другой горазд, да не охоч.

Что придумывать?
Не станет слаще мёд, —
если сталь возьмёт корону пантача;
без людей в снегах багульник зацветёт;
и отдаст рябина кисти.
Не крича.

2. Альфред Фризен

Если просто скипидар слеза сосны,
а рисунок — серый след карандаша,
если врут искусствоведы и часы,
оставайся безымянною, Душа.

Серость. Зависть. Откровение. Расчёт.
Смуглость. Наглость. Белоснежье. Чернота.
Терпит холст.
Тускнеют краски.

Жизнь идёт
(или шла)
в подвалах с кровью изо рта...

3. Анатолий Фролов

…А на карте мира — шкурами точь-в-точь:
То Поволжье, то Алтай, то Колыма…
Сколько было, сколько будет — кто охоч
на России прокатиться задарма.

Философии бесплодные цветы
рвёт, не дав созреть, лохматая рука.
Скажем, что такое конкурс красоты?
Это — праздник симметричности белка.

Где же ангел с хрупкой дудочкой в руках?
Где же светлый в чёрном небе Водолей?
Учат карлики высотам на холстах.
Учат карлики — чем дальше, тем наглей.

4. Вячеслав Цай

...Чёрный коршун и девичий завиток;
мёд антоновки в надсаженном саду...
Ветер «вест» и ветер «ост» сбивают с ног.
Зашатаюсь,
но до Славы добреду.

Мы одной страны расхристанный народ.
Слава Богу, что Поэзия — нам щит:
на одном баранья шапка заорёт,
на другом же волчья шапка зарычит.

Холст распят
не для картинки кой-какой.
Исполать тебе, глазастый, показал —
и дубовый веник в баньке над рекой,
и высокий вход в Георгиевский зал.

Не гневили мы с тобою шариат,
мы не слышали ни «данке», ни «мерси»...

М-16 на иврите говорят,
АКМы отвечают на фарси...

5. Неизвестный художник

Кручен-мучен, трёпан-чёсан лён-ленок,
стал холстом и молча вынес стыд и страх,
дабы мастер безымянный нам помог,
не остаться поимённо в дураках.

Офорт

Александру Курдюмову

Комфортно или дискомфортно,
отмучается наша плоть.
Не учит линия офорта
под серьги уши проколоть.

Здесь пламя, лик, а не мордашка.
Отбор художнический строг.
Хихикнет, кто-то там, в кудряшках,
крутнёт на пальце перстенёк.

...Идёшь по кромочке бетонки.
Не догнала цветная ложь!
Своим пером — стальным и тонким —
коснёшься мира и замрёшь.

«Не щепке глубина опасна» —
но это первая строка.
А жизнь божественно прекрасна,
но и чертовски коротка.

Мужской портрет

Ольге Николаевне Шевчук

Всё по методике. Ретроспективно:
латы, камзолы, фуфайки, рваньё...
Честно старалась свиная щетина,
знает щетина дело своё.

Грубо ли, тонко ли — это детали.
Строго смотритель следит за тобой —
раму проламываешь головой!
Мало ли что там вдогонку болтали.

К чёрту музейных рядов благодать!
Хочется чёрное знамя топтать.
Чёрное знамя собственной тени.

Рама по горло, по грудь, по колени...
Критики врут о свободе холста.
Независима лишь пустота.

Владимиру Токмакову

Не впихнуть по буквам
в картотеку
над селом сиротским «кукареку»,
свист бича, шипение змеи
и шаги твои или мои.

Если грыз январь нам в горле хрящ,
то апрель был нежен и бодрящ;
к нам не прилипало ремесло —
со страной и кожей приросло.

И когда бывали за Уралом,
дар литературным дурам даром
раздавали, Господи, прости, —
были у самих себя в чести.

Мы, конечно, мало заслужили,
но пехотной кровью сила в жилы,
не остыв от войн, вошла и в нас:
и сонет, и песня, и приказ.

Не врачи на этом свете белом,
мы живём нестрашным частным делом.
Альма-матер, дай же силы, мать,
всей Сибирью нам сердца латать.

…Наши запятые — когти волка;
наше двоеточие — двухстволка;
ставлю точку, холод не кляня.
А тире пусть ищут у коня.

Мир не без добрых людей

Мир не без добрых людей.
Мало для них я смогу.
Жизни двухцветной моей
не пожелаю врагу.

Красное с белым миря,
серенькое проглядел...
Видел же, видел моря!
Лужи хвалить не хотел.

Библию и Коран
не отвергал отродясь.
Мало двурушных карал,
мало их втаптывал в грязь.

Вера стальная моя —
не Богородицы взгляд.
Вот и мои сыновья
молча мне в спину глядят.

…Тихо вчерашний злодей
в церкви пристроит свечу.
Верил и верю в людей —
из-под креста докричу.